

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ THEORY OF LITERATURE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-759-771

Китайские единомышленники Е. Замятина: Чжан Тянь-и и Лао Ше

Владимир Вениаминович АГЕНОСОВ

ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

111024, Российская Федерация, г. Москва, ш. Энтузиастов, 21

✉ vlad-agenosov@yandex.ru

Аннотация. Исследованы романы-антиутопии 1930-х гг. китайских прозаиков Чжан Тянь-и «Записки из мира духов» (1931) и Лао-шэ «Записки о Кошачьем городе» (1932). Даны краткие сведения о специфике творчества китайских писателей, не известных широкому кругу современных отечественных читателей и литературоведов. Выявлена типологическая близость указанных произведений роману-антиутопии Е.И. Замятина «Мы». Определены литературные предшественники анализируемых романов, связь с произведениями русской, китайской, мировой литературы. Отмечена роль критики в судьбе авторов и их творений. Обозначены традиционные и новаторские жанрово-стилевые особенности книг. Подробно проанализирована сюжетно-композиционная структура, образная система, идейное содержание романов. Рассмотрено ироническое описание различных сфер жизни: партийной системы, выборов, системы образования, войн, творческой деятельности поэтов-декадентов. Детально исследованы особенности повествования, связанные с художественными функциями нарраторов. Отмечен синтетический характер романов, соединяющих в себе элементы нескольких литературных жанров. Выявлено, что форма гиперболического обобщения современных реалий, элементы сатиры и иронии в изображении общества придали произведениям вневременной и внепространственный характер, выведя их за пределы китайской действительности. Сформировано представление о жанрово-типологической общности романов-предостережений Чжан Тянь-и и Лао-шэ, разоблачающих мифы об идеальном обществе XX века.

Ключевые слова: Чжан Тянь-и, Лао Шэ, «Записки из мира духов», «Записки о Кошачьем городе», нарратор, антиутопия, жанр

Для цитирования: Агеносов В.В. Китайские единомышленники Е. Замятина: Чжан Тянь-и и Лао Ше // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 759-771. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-759-771>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Chinese associates of Y. Zamyatin: Zhang Tianyi and Lao She

Vladimir V. AGENOSOV

A.S. Griboyedov Moscow University
21 Entuziastov Road, Moscow 111024, Russian Federation
✉ vlad-agenosov@yandex.ru

Abstract. We explore the dystopian novels of the 1930s by Chinese novelists Zhang Tianyi “Ghostland Diary” (1931) and Lao She “Cat Country” (1932). We give brief information about the specifics of the work of Chinese writers who are not known to a wide range of modern domestic readers and literary critics. We reveal the typological proximity of these works to the dystopian novel by Y.I. Zamyatin “We”. We identify the literary predecessors of the analyzed novels, the connection with the works of Russian, Chinese, and world literature. We note the role of criticism in the fate of authors and their creations. We designate traditional and innovative genre and style features of books. We analyze in detail the plot-compositional structure, figurative system, and ideological content of the novels. We consider an ironic description of various spheres of life: the party system, elections, the education system, wars, and the creative activity of decadent poets. The features of narration associated with the artistic functions of narrators are studied in detail. The synthetic nature of the novels, combining elements of several literary genres, is noted. We reveal that the form of hyperbolic generalization of modern realities, elements of satire and irony in the depiction of society gave the works a timeless and extraspacial character, taking them beyond the limits of Chinese reality. We form an idea of the genre-typological community of Zhang Tianyi and Lao She’s warning novels, exposing myths about the ideal society of the 20th century.

Keywords: Zhang Tianyi, Lao She, “Ghostland Diary”, “Cat Country”, narrator, dystopia, genre

For citation: Agenosov V.V. Kitayskiye edinomyshlenniki E. Zamyatina: Chzhan Tyan’-i i Lao She [Chinese associates of Y. Zamyatin: Zhang Tianyi and Lao She]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 759-771. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-759-771> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Посвящается Л.В. Поляковой

Роман Е. Замятина «Мы» (1920–1927), как это показано в монументальной монографии Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника», имеет большую и до недавнего времени весьма тенденциозную литературоведческую рецепцию. В 1920-е гг. он был заклеимён как антисоветское произведение. Современная (периода перестройки) критика оценивала роман так же, правда, с «разнонаправленностью эмоций» – с противоположным знаком: как провидческую позицию противника коммунистической идеи и тоталитарного

строения (советского и немецкого), что «менее всего соответствует не только высказываниям самого автора, но и объективному содержанию произведения».

При всей положительной оценке Л.В. Поляковой работ позднего О. Михайлова о Замятине и статьи П. Палиевского об О. Хаксли, автор монографии не хочет видеть, что Михайлов вписывает роман «Мы» преимущественно в традиции русской литературы, и оба литературоведа сводят роман Е. Замятина к критике американского общества. Тем самым произведение вновь сужается до конкретно-социального звучания.

Между тем, как пишет сама Л.В. Полякова, в романе присутствует «установка не только на современность, но и на историческую перспективу исторически сложного хронотопа: прошлое, современное и будущее с установкой на решение историософски социально общественных, антропологических, культурно-исторических задач». Другими словами, учёный утверждает, что «Мы» – историософский (интеллектуальный) роман. Эта идея, подчёркивает замятиновед Л.В. Полякова, проходит через докторскую диссертацию М.Ю. Любимовой «Творческое наследие Е.И. Замятина в истории культуры XX века».

Таким образом, можно утверждать, что в трудах М.Ю. Любимовой и самой Л.В. Поляковой роман «Мы» наконец получил адекватную оценку, был оценён по достоинству.

Широко известно и уже стало общим местом, что прямыми продолжателями, единомышленниками русского писателя стали Олдос Хаксли («О, дивный новый мир», 1932) и Дж. Оруэл («1984», 1949).

Однако наш евроцентризм не позволил заметить и оценить два китайских романа, типологически близких роману Е. Замятина.

Речь идёт о романах «Записки из мира духов» (1931) Чжан Тянь-и, «Записки о Кошачьем городе» (1932) Лао Ше.

Чжан Тянь-и (настоящее имя: Чжан Юаньдин – 1906–1985) – сын учителя. В 1926 г. после окончания школы поступил в Пекинский университет, но вскоре добровольно его покинул и «пошёл в народ»: работал мелким чиновником, домашним учителем, журналистом. Уже первые рассказы «Сон трёх с половиной дней» (1929) и «Мистер Цзин Е» (1930) отличались юмором и принесли ему известность.

Казалось бы, несмотря на охватившую Запад Великую депрессию (1929–1930-е гг.), Китай начал развиваться. Правда, принятая в 1931 г. Конституция содержала некоторые декларации и обещания в отношении гражданских прав и народного благосостояния и фактически не затронула основы народной жизни. Принятые в том же 1931 г. новые законы об организации центральных правительственных учреждений лишь прикрывались видимостью работы демократических властных институтов. Реально вся власть со-

средотачивалась в руках председателя национального правительства Чан Кайши. Созданное Сунь Ятсеном демократическое движение Гоминдана вырождалось в авторитарную организацию с элементами национал-социализма.

К тому же в 1931 г. на северо-востоке страны началось вторжение японских войск, в борьбе с которым приняли участие войска как Чан Кайши, так и образовавшейся коммунистической партии.

Наблюдая все эти процессы, Чжан Тянь-и присоединился к Лиге левых писателей и в 1927 г. – к Коммунистической партии Китая.

Сатирический портрет эпохи писатель создал в повести «Записки из мира духов» (1931).

Мы не знаем, читал ли молодой китайский писатель «Город солнца» Т. Мора. Но, судя по предшествующему тексту повести письму рассказчика-повествователя Хань Шичань, адресованному другу и близкому к предисловию Т. Мора к «Утопии», знал. Точно не известно, знал ли Чжан Тянь-и сатирический роман Дж. Свифта «Путешествие Гулливера». Вполне мог знать: в Китае «Гулливер» издавался сначала отрывками, а в 1906 г. отдельной книгой. Но не подлежит сомнению, что будущий писатель как всякий китайский интеллигент был знаком с утопическими произведениями древней и современной ему китайской литературы: созданной в IV–I веках до н. э. «Книгой ритуалов» («Ли цзи»), «Персиковым источником» («Тао хуа юань цзи») Тао Юань-мина (около 365–427)¹ и «Книгой о Великом Единении» Кан Ю-вэя (1887–1888).

Наверняка знал Чжан Тянь-и роман Ли Жучжэня «Цветы в зеркале» («Цзин хуа юань», 1828)², описывающий занимательные путешествия героев по волшебным землям и соединяющий черты утопии и сатиры.

Как мне представляется, именно сочетание этих книг разнонаправленных жанров (утопия, фантастика, сатира) воплотилось в «Записках из мира духов»³.

¹ Тао Юань-мин. Персиковый источник. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=234426&p=1&ysclid=l69hvbdi4w57157845> (дата обращения: 01.04.2022).

² Ли Жучжэнь. Цветы в зеркале / пер. с кит.; отв. ред. В.С. Колоколов. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959.

³ Тянь-и Чжан. Записки из мира духов. М.: Известия, 1970. URL: https://royallib.com/book/tyani_chgan/

Роман начинается уже упомянутым письмом Хань Ши-цян другу, где он сообщает, что совершил путешествие в страну духов, и хотя «повадки и манеры обитателей потустороннего мира, о которых я здесь пишу, могут показаться тебе несколько необычными, даже до некоторой степени смешными. На самом же деле там всё разумно и целесообразно, дела они решают быстро и чётко».

Весь дальнейший текст повести опровергает эту положительную оценку, придавая ей ироническое звучание. Перед нами очевидное разрушение утопии.

Рассказчик Хань Ши-цян – сопровождаемый экскурсоводом по миру духов Сяо Чжун-но с первых минут убеждается, что ничего разумного и целесообразного в мире духов нет. Страна духов с чрезвычайной точностью повторяет земной мир. Население разделено на верхний и нижний ярусы, где нижним отведена роль слуг. Теория неравенства подкрепляется расистским утверждением, что «...мозг индивидуума из низов имеет на 2 клетки «А» меньше, чем мозг представителя верхов, и, стало быть, удел первого, вследствие необратимости явлений, – вечно оставаться внизу». Попытки представителей низов перейти в верхний ярус пресекаются. Впрочем, автор увидел и новую тенденцию, свойственную индустриальному обществу XX столетия: «Новый законопроект вводил обязательное обучение, даже низам вменялось в обязанность учиться. В нижнем ярусе намечалось широкое строительство начальных и средних школ. Решение было дальновидным и разумным. Во-первых, многие виды работ требовали определённого минимума знаний, без среднего образования для нижнеярусников обойтись было невозможно. Во-вторых, высокая плата за обучение гарантировала правительству немалые доходы». «Не следует препятствовать этому карабканию вверх», – говорит один из олигархов. Тем более что это образование будет «самым патриотическим, самым верхнеярусным». Выделим слово «верхнеярусное». Другими словами, речь идёт не о народном образовании, а о том, чтобы сделать этих выбившихся наверх своими адептами и работниками. При

этом оговаривается, что нужно «не забывать о мерах предосторожности».

Злой сатирой звучит фраза о том, что «во время войны обитатели нижнего яруса... выступают, движимые патриотическим чувством, плечом к плечу с соотечественниками из верхнего яруса».

Форма гиперболического обобщения позволяет автору выйти за пределы китайской действительности. Показать, что экономическое разделение на верхи и низы касается не только его родной страны, но всей мировой глобалистской системы, не исключая так называемой социалистической системы.

Безусловным открытием китайского писателя стало изображение тех, кого мы сегодня называем олигархами. В повести их лицемерно зовут простолюдинами. Полно иронии описание простолюдина Лу Юэ-лао: «На вид ему было чуть больше сорока лет. Поджарый. Сойдя с машины, он поклонился гостям и всем пожал руку. <...> Держался он на редкость непринуждённо. Истинный характер простолюдина! – Э, – говорил он на ходу, – у нас равноправие, я всего лишь простолюдин, к чему такие церемонии, ха-ха!.. Присутствующие стали в круг, а в середине зала с метлой в руках расположился высокий гость. Тридцать секунд столп района подметал идеально чистый пол, после чего метлу унесли... Этот акт выражает простоту и демократизм Лу Юэ-лао. Согласится ли богач подметать пол? Но в основе политики района лежат идеи простолюдинов, и, следовательно, богачи должны быть просты и демократичны. Ритуал соблюдается на каждом крупном приёме».

Контрастом к этой сцене служит описание оргии с участием целого ряда простолюдинов.

Не меньшим глобальным обобщением являются страницы, показывающие партийную систему в стране духов. Н.Т. Федоренко в послесловии к публикации повести в СССР (1970) сравнивает партии «корточкистов» и «восседающих» с существованием в Гоминдане двух комитетов: Центрального исполнительного и Центрального контрольного. Учёный справедливо указывает, что одновременно в повести «безошибочно угадываются черты двухпартийной американской системы» [1], сторонниками которой были многие деятели Гоминдана. При всей справедливости этого утверждения оно явно су-

живает значение книги, лишает её глубинного осмысления всей так называемой демократической системы.

Показанная в произведении Чжан Тянь-и партийная система далеко выходит за пределы двух стран. Она характерна для любой авторитарной системы, распространённой во многих странах мира до наших дней. «Политическая программа, – рассказывает путнику его Вергилий, – у них одна, это верно, но в быту кое-какие различия есть. Скажи-ка, в месте отдохновения для мужчин ты восседаешь на стульчаке или присаживаешься на корточки?» Таким образом, суть их разногласий доведена писателем до абсурда. Фактически партии заняты только проблемой обогащения.

Это особенно ярко показано в эпизоде выборов президента. Когда победителем становится тот, за кого вложены большие деньги. Все остальные события «избирательной кампании» – всего лишь формальность и зрелище для обывателей. Характерно, что и олигарх, чей протекте потерпел поражение, не остаётся бедным. Ему возвращают деньги, ибо экономические интересы победителей совпадают с его бизнесом. И вновь приходится сказать, что созданная Чжан Тянь-и картина выходит далеко за пределы китайской действительности 1930-х гг. Псевдовыборы – характерное явление не только XX, но и XXI столетия.

Не менее иронично, но в целом вполне в духе ангажированной прессы, с явными преувеличениями сообщается биография вновь избранного президента: «Пресса отмечала единодушие народа, избравшего Генеральным Президентом Ба Шань-доу, из чего явствует, с каким энтузиазмом народ поддерживает господина Ба». Здесь же была опубликована его краткая биография.

Не обошёл своим вниманием Чжан Тянь-и и систему образования. Ограничимся одной цитатой: «Владельцы имущества на сумму свыше трёх тысяч юаней имели право учиться лишь в начальной школе, владельцы имущества на сумму свыше пятидесяти тысяч юаней – в средней школе первой ступени; на сумму свыше ста тысяч юаней – в средней школе старшей ступени; имущество на сумму свыше шестисот тысяч давало право на поступление в высшее учебное заведение; на

сумму свыше трёх миллионов – в научно-исследовательские институты».

Об уровне науки свидетельствуют описания кабинета «глашатая раскованной жизни» ректора университета, похорон профессора Вэня и сцены публичной псевдонаучной дискуссии.

На этажерке ректора «книг не было: нижнюю полку украшал ночной сосуд». Ректор, как с гордостью сообщает его секретарь, вместо науки «целых три часа приводит комнату в порядок, он отдаётся этому делу всей душой». ««Гуманитарные факультеты, – повествует путешественник, – ничем не отличались от наших, зато прикладные дисциплины включали в себя... науку по воспитанию местной администрации, науку по воспитанию добродетелей (специально для лиц женского пола), науку по выращиванию спортивных чемпионов, а также коммерческий факультет».

Слава и величие профессора Вэня покоится на перечне его трудов, наиболее известными из которых считаются десять, в том числе: «Начальное пособие по баскетболу», «Компендиум по кулинарии», «Критическое исследование восьмидесятиглавого любовного романа», «Рассуждение об «Абсолюте».

Ещё более остроумно рассказывается о дискуссии священника и учёного. «Первую теорию представлял священник Чжу, который верует во всё, написанное о сотворении мира в Библии, где говорится, что владыка небесный создал одного мужчину и одну женщину, от коих произошли все мы. Вторую теорию представлял Лу Чуань-линь. Лу верит в учение Дарвина, гласящее, что все мы произошли от животного». Третья теория совсем странная: «Когда земной шар был ещё бездушен, однажды пошёл сильный снег и появились два индивида мужского пола. Мужчины стали заниматься педерастией и родили много сыновей и дочерей... Педерастия вела к деторождению».

Вершиной насмешки над псевдонаучными статьями и заодно над печатью страны духов является история с публикацией «научной» статьи профессора Вэя о соседней стране, где якобы «жители страны (низы, конечно, – верхнеярусники вымерли все поголовно) привыкли есть человечину...». Якобы

государственный флаг к каждому празднику окрашивается кровью убитых людей.

Попытка путешествующего по стране рассказчика Хань Ши-цзя называть эти «исторические» изыскания «несусветной чушью» расцениваются продажной прессой как «игра на руку кровожадным и жестоким низам из мира людей», как «склонность Хань Ши-цзя к «онизению» и прочее и прочее...». В итоге обе точки зрения по воле олигарха были признаны «двумя направлениями в исторической науке».

В «Путешествии...» показан и коммерческий характер войн. И псевдопатриотизм обманутого верхами народа, приветствовавшего войну.

Выражая позицию демократической Лиги левых писателей, Чжан Тянь-и едко расправился с декадансом, захватившем тогда не только определённую группу деятелей культуры Китая, но и весь мир с начала XX века и до сегодняшнего дня. В академии искусств висят лозунги «Жизнь служителя искусства – раскованность», «Даёшь жизнь не по правилам!», «Раскованность – символ современности!» На выбеленной стене были выписаны огромные квадратные чёрные иероглифы: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЖИЗНЬ НЕ ПО ПРАВИЛАМ...» «Профессора и студенты университета литературы и искусства славились чудовищной распущенностью».

Хань Ши-цян создаёт сатирический портрет поэта-декадента Сым Си-ду. Выразительно название сборника его стихов «Курю опиум и стремлюсь к прекрасному». Он «уже в пять лет твердо решил стать специалистом по декадентской литературе. Но, к его несчастью, Сима обладал завидными здоровьем и силой... Сима был неплохим спортсменом. Пришлось немедленно отказаться от спорта. Затем он ухватился за идею систематического недосыпания... Ночные бдения менее чем за год увенчались ощутимым результатом: нервная система была несколько подорвана. Исподволь он начал пить... Немалое значение придавалось «большому маку», то есть опиуму, с которым Сима познакомился отнюдь не через поэзию Бодлера или Артюра Рембо. Он считал курение опиума важным звеном в цепи проводимых мероприятий. Правда, его тошнило, но огромным усилием воли он заставил себя

продолжать начатое дело. Труды девяти с половиной лет завершились блестящим успехом». Собравшись жениться, он требует от врача выдать фальшивую справку, что его невеста тоже серьёзно больна.

Не менее курьёзно показан «специалист по новейшему символизму» Хэй Лин-линь. Цитаты из его стихов и высказываний лишены какого-бы то ни было смысла: «Дух карандаша моего мгновение тому погружался в очаровательную навозную кучу...», «Уши господина Ханя способны заморозить душу, хотя они и не похожи на куриные перья, даже будучи квадратными, но танцуют они лучше, нежели солёная утка», «Господин Хань, сегодня ты другой, ты хлопаешь крыльями в форме замка по душе стакана для полоскания рта у соловья с осадком ста душ».

Беспощаден Чжан Тянь-и и к писателям, занимающим подобострастные государству позиции, писателем, «объединённым для пропаганды патриотизма». Его смущает, что «писатель обязан зарегистрироваться в Министерстве просвещения», где «официальные лица выдают ему искомое удостоверение на право публикации своих книг». При этом можно обойтись без этого, получив рекомендацию олигарха.

Так называемая патриотическая литература с её идеальным сверхгероем не вызывает симпатий автора книги. Он пародирует «выдающееся произведение» такого типа, где «автор откровенно любовался своим блистательным героем. Был он восьми чи и пяти цуней ростом. Прочёл все на свете книги, постиг языки разных народов, проявил недюжинные способности к науке, собрал богатый урожай на ниве художественной литературы. Преуспел он также в военном деле, сильной его стороной был спорт, он мог за двенадцать минут проплыть 1200 морских миль. С успехом пилотировал самолёт, рисовал, писал стихи, а также мог на скаку выстрелом из пистолета поразить летящую муху...».

Нет ни одной области жизни XX столетия (а может, и XXI), которую бы не осмелился автор «Путешествия...».

При этом он не раз подчёркивает, что описываемые события происходят в «День любой», то есть могут совершаться не только в Китае и не только в период создания романа. Тем самым сатира становится вневремен-

ной. Жизнь показывает, что она актуальна и в наши дни.

Другими словами, от выраженного в письме другу признания справедливости устройства страны духов к концу повествования не остаётся камня на камне, заявленная в предисловии утопия разрушается.

Чжан Тянь-и создал произведение, намного десятилетий опередившее своё время.

Годом позже появился роман Лао Шэ «Записки о кошачьем городе»⁴.

Лао Шэ (Шу Цинчунь 1899–1966) родился в бедной маньчжурской семье. Его отец погиб во время Боксёрского восстания. В 1913 г. мальчик поступил в гимназию, из-за недостатка средств вынужден был покинуть её. Но был принят в Пекинский педагогический институт, который окончил в 1918 г. С 1918 по 1924 г. работал преподавателем в школах Тяньцзиня и Пекина. С 1924 по 1929 г. преподавал в китайском отделении Школы востоковедения (ныне Школа востоковедения и африканистики) Лондонского университета.

Летом 1929 г. он уехал из Великобритании в Сингапур, где преподавал в китайской средней школе, а весной 1930 г. вернулся в Китай. С этого времени до 1937 г. преподавал в нескольких университетах: Университет Цилу (Цзинань), Шаньдунский университет (Циндао) и др.

Исследователи творчества писателя указывают на знакомство Лао Шэ с творчеством Ч. Диккенса (оказавшего влияние на создание первого романа), Дж. Свифта и Л. Кэррола. Сам писатель говорил о влиянии на него Ф.М. Достоевского.

К 1932 г. Лао Шэ был автором написанного в Лондоне 1926 г. романа «Философия Лао Чжана» (老张的哲学) и повести «День рождения Сяопо» (小坡的生日, 1930), пьес и ряда рассказов и стихотворений.

Отечественные и зарубежные исследователи творчества Лао Шэ неоднократно указывали на сходство формы и художественных приёмов «Рассказа о кошачьем городе» с «Островом пингвинов» А. Франса, «Первым человеком на Луне» Г. Уэллса и сочинением

М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Крупнейший исследователь творчества Лао Шэ А.А. Родионов со ссылкой на китайских учёных пишет о перекличках романа с «Цветами в зеркале» Ли Жу-чжэня (1828), о чём говорил и сам писатель; с романом Шэнь Цунвэня «Записки о путешествии Алисы по Китаю» (1928) [2].

Несомненно, что автор «Записок о кошачьем городе» был знаком и с годом ранее появившейся повестью «Записки из мира духов» (1931) Чжан Тянь-и. Только этот роман, как было сказано выше, напрямую перекликается с творением Лао Шэ.

Характерно, что, как и в случае с романом Е. Замятина, китайская критика восприняла роман Лао Шэ как клевету на китайское государство и китайский народ. Причём это произошло как в гоминдановской истории Китая, так и в эпоху культурной революции в народном Китае. Писателя заставили отречься от своего детища и довели до самоубийства.

В советской критике роман был истолкован как пророчество культурной революции [3]. Гораздо более глубоко охарактеризовал роман А.А. Родионов. Описав спектр вопросов, поднятых Лао Ши и актуальных для гоминдановского Китая («развал экономики и системы образования, корыстность политиков, капитулянтство и недееспособность правительства, расслоение и дезорганизация общества, трусость армии и одурманивание народа завезённым из-за рубежа наркотиком, некритичное заимствование всего иностранного и колонизация страны иностранными державами»), учёный утверждает: «Но всё же главная проблема, приковывающая внимание Лао Шэ, это нравственная деградация кошачьего общества» [2]. Или, говоря другими словами, утрата морали в социальном обществе XX века. «Мне не дают покоя мерзости, творящиеся на наших глазах», – объяснял Лао Шэ в главе «Как я писал «Записки о Кошачьем городе» книги эссе «Старый вол, разбитая повозка»⁵.

Однако в отличие от своего предшественника Лао Шэ сгущает ситуацию, создаёт фантастическую картину государства-ада⁶,

⁴ Записки о кошачьем городе (кит. 猫城记). Здесь и далее цитаты даются в тексте с указанием страниц по изданию *Лао Шэ. Избранное*: пер с кит. / сост. и ред. А.А. Файнгар. М.: Изд-во «Радуга», 1982.

⁵ Там же.

⁶ «Записки о кошачьем городе» – это путешествие Данте в ад: что вижу, о том и рассказываю // Лао Шэ.

предсказывая ещё не наличествующую в XX веке ситуацию гибнущей цивилизации, над которой уже занесён «грозный перст» судьбы. Никто не работает, жители только наслаждаются наркотическими листьями и в крайнем случае наживаются на их продаже, как это делает Большой Скорпион. «Люди-кошки утратили и честь, и совесть» (222).

«Кошкисты не имели никакого понятия об экономике» (268). «Устраиваем революции только ради шумихи, потому что ничего не знаем, ничего не делаем, забываем о том, что революционное дело требует от человека высоких духовных качеств» (268), – говорит Маленький Скорпион. – Да, опасное это дело – революция без подлинной цели!» Когда «каждый переворот сопряжён с увеличением армии, с ростом числа алчных чиновников». «Политическая острота сводится к жонглированию несколькими новыми словами. Мы случайно узнаём о какой-нибудь стране и поднимаем у себя шумиху. Потом услышим, что в другой стране произошла реформа – снова не обходимся без шумихи. В результате другие страны действительно проводят реформы, а мы – нет. Особенность наша в том, что чем больше мы шумим, тем хуже нам живётся» (265–266). «Внешне правят «сторонники нового», а по существу – старые лисы» (267).

«Среди наших деятелей нет ни одного честного человека, и в экономике они ничего не смыслят. Власть для них – только средство угнетать да притеснять».

Человеческая жизнь ни в грош не ставится. «Законы – только знаки, вырезанные на камне... Человек ценится меньше дурманного листа...» Повсеместно наблюдается «нарушение прав человека» (228). «Рукоприкладство считается привилегией высокопоставленных людей-кошек, и подчинённые принимают побои как должное». «В городе солдаты бьют прохожих не просто для того, чтобы расчистить дорогу, но и из высших соображений» (225). «С собственным мирным людом кошачьи солдаты воевали отлично!» Убийство кошки-гражданина рассматривается как вполне нормальный акт. «Помещик должен убить по крайней мере одного солдата и закопать его под деревом, чтобы

обеспечить себе на следующий год богатый урожай» (216). Грабёж становится нормой. Парадоксом звучит сообщение, что нанятых для охраны солдат размещают подальше от охраняемого ими сада: они – первые грабители. Более того, «солдаты могут сами убить хозяина, ободрать все листья, а из веток наделать оружия» (216).

На недоумённый вопрос путешественника, зачем тогда нанимать солдат, следует ответ: «Все понимали, что солдаты ничего не могут защитить, но отказаться от них значило оскорбить генералов, а Большой Скорпион был гражданином благонамеренным и не хотел, чтобы его в чём-нибудь обвинили» (214). Благонамеренность, равная ханжеству, показана и в главе о том, как кошки обожают слова «государственность» и «патриотизм». «Слово «государственный» употреблялось здесь особенно часто: дурманные листья – это государственная пища, Большой Ястреб – государственный преступник, грязь в канаве – государственная защита...» (283). «Государизм означает крайний, даже фанатический патриотизм, а наша красноречивая гвардия из того же патриотизма стремится в местечко поспокойнее, где ей ничто не угрожает» (285), – рассказывает Маленький Скорпион.

Национальный престиж понимается как синоним денег: это основная денежная единица в Кошачьем государстве. «Когда чужой национальный престиж забираешь в свои руки, – откровенничает Большой Скорпион, – это считается очень благородным поступком... здесь, в Кошачьем государстве, честность бессмысленна».

Фанатический патриотизм – пустые слова. «В минуту грозной опасности народ должен быть сплочён. Все на борьбу с врагом!» (281), – провозглашается в манифесте удирающего вместе с чиновниками императора. Брошенная армия в панике бежит, круша и грабя всё на своём пути. А аристократия «идёт сдаваться. Кто первый подарит столицу врагу, тот получит в награду прибыльное местечко».

Грозный перст судьбы нависает над столицей государства. «Город огромной чёрной Тенью лежал под звёздным небом в полнейшей тишине, испуская одно зловоние... Всё пространство между домами заполнено народом, неизвестно чем занимающимся. Ни

один житель не ходит прямо, обязательно мешает другим». Улицы искривлены и беспорядочно расположены.

Существенной причиной потери нравственности и разрушения государства Лао Шэ, как и Чжан Тянь-и, считает систему образования, доведённую в романе до полного абсурда.

Когда-то в Кошачьем государстве «существовали разные классы, учеников оценивали по качеству знаний, но постепенно экзамены были упразднены (как символ отсталости), и ученик кончал школу, даже если не ходил в неё» (250). Потом «была проведена кардинальная реформа, согласно которой день поступления в школу считался одновременно днём окончания университета. В школу ходили не учиться, а получать диплом» (251); «школы никак не были связаны с жизнью. Реформа оказалась прекрасной – для Кошачьего государства. По статистическим подсчётам, ...страна сразу заняла первое место на Марсе по числу людей с высшим образованием... Школы по-прежнему были открыты, а расходов – ни гроша. Учителя были довольны тем, что все они стали преподавателями университетов, что все учебные заведения превратились в высшие, а все ученики стали первыми. <...> Достаточно было не умереть к семилетнему возрасту, как высшее образование обеспечено» (250). «Образование основывалось лишь на нескольких канонизированных учебниках и совершенно не требовало нравственного воспитания. [Учебники] не учили, не развивали в учениках способность к самостоятельному мышлению... О благородстве и добродетели было забыто». «Крах системы образования «Вызван утратой нравственного начала... Науки стали использовать только для наживы» (253). «Воспитание превращает человека в зверя» (255).

«Ещё больший эффект принесла эта реформа с экономической точки зрения. Раньше императору приходилось ежегодно выделять средства на образование, а образованные люди часто начинали вредить ему... Теперь стало иначе» (250).

К моменту описанного в сюжете времени «школы превратились в рынки, а затем в пустыри, окружённые стенами». Ученики почувствовали безнаказанность. «Они резали учителей!» (248). Дело доходило до убийств ди-

ректоров школ. На первый взгляд, дети (символ будущего) здесь «самые жизнерадостные существа в мире». Но у них нет будущего, считает рассказчик: «Только общество идиотов могло породить грязных, худых, вонючих, уродливых, безносых, но всё-таки жизнерадостных детей. Это подражание взрослым и наказание им. Когда эти дети вырастут, страна станет ещё грязнее, вонючее и уродливее. Многожёнство, свободные союзы, блуд – и ни единой мысли о будущем» (246).

Под стать простым горожанам и учёные. «Все [старшие] учёные оказались страшно худыми и грязными; даже их маленькие уши были набиты грязью...» (257). Каждый из них называет себя первым, из-за чего между ними возникают драки. Историк открывает древний способ казни – сдирание кожи с живого – и мечтает подать императору просьбу о восстановлении этого рода умертвления. В период военной опасности для страны они собирают конференцию, чтобы выяснить не имеющие никакого значения вопросы: сколько солдат на фронте, захватят ли враги Кошачий город. «Если они действительно намерены его захватить, то мы посоветуем Его Величеству передвинуться ещё дальше на восток».

Не менее смешны «не грязные, вполне упитанные и жизнерадостные» молодые учёные, учившиеся за границей и нахватывшиеся модных иностранных слов, «употребляемых без понятия, как придётся» (259). Их научные интересы сводятся к интересу об устройстве штанов путешественника и о туфлях иностранных женщин.

Наиболее приближено к реальности описание судеб женщин (14 глава). «Местные женщины очень забыты, а эти [т. н. новые] бродят где хотят, – должно быть, лёгкого поведения». В Кошачьем городе процветает проституция, издевательство над женщинами. Большой Скорпион жалеет, что не может продать своих дочерей.

Финал романа повествует о полной гибели Кошачьего государства. Не способных защитить родину, раздираемых противоречиями трусливых кошек побеждают лилипуты-иностранцы. Явившиеся к ним на поклон кошки были убиты. Пленных «всех закопали живьём! Страшное наказание за неспособность сопротивляться!.. Люди, не уважаю-

щие самих себя, не могут рассчитывать на человеческое обращение...» (295). Небольшие группы, объединившиеся для сопротивления, «переругались и передрались между собой. Когда на холм поднялись лилипуты, там осталось всего два дерущихся человека-кошки. Победители не стали убивать их, а посадили в большую деревянную клетку, где пленники продолжали яростный бой, пока не загрызли друг друга до смерти» (295).

Нарисованный писателем Апокалипсис, предсказывающий судьбу человечества, завершился.

Таким образом, два незнакомых друг с другом писателя создали типологически близкие романы, разоблачающие мифы об идеальном обществе XX века. Разница в том, что Чжан Тянь-и гиперболизирует современные формы общественной жизни, а Лао Шэ воссоздал перспективы морального падения мира.

Оба автора передают повествование нарратору, что позволяет ему не только создавать картины, выступать «в роли корреспондента и всё, что видел и слышал, с усердием заносить в дневник» мира духов или обезьяньего государства, но и удивляться увиденному, напрямую высказать свои сомнения.

Интересна фигура, избранная Чжан Тянь-и в качестве нарратора. Хань Ши-цян любознателен, обладает здравым смыслом и, столкнувшись с теми или иными явлениями, умеет находить в них как минимум несуразности (требование прятать носы под чехлами), а чаще – полное несоответствие провозглашаемого и реального.

Джан Тянь-и, как и авторы классических утопических романов, даёт своему путешественнику Хань Ши-цян Вергилия (бизнесмена и карьериста), вполне благополучно вписавшегося в порядки страны духов.

Вполне логичные вопросы путешественника не получают вразумительных ответов.

В частности, он не понимает, «почему бы всем не расселиться на одном ярусе», и получает ответ, что «низы грубы, неотёсанны», в дальнейшем принимающий расистское объяснение о биологических отличиях верхних и нижних слоёв.

Диалоги нарратора и Сяо Чжун-но – первый способ показать, воссоздать ненормальность социальной жизни страны.

Другой – анализ любознательным нарратором законов. Так, читая правила регистрации в первом ярусе, Хань обнаруживает, что сам он ни по одному пункту не подходит под эти правила, но их, оказывается, можно нарушать по воле богачей. В другом случае нарратор цитирует Конституцию и понимает, что вся она лишает простой народ свобод, оставляя одни обязанности. Анализ принятых законов показывает ему, что все поступления с налогов «предназначались для партии в период её деятельности, строительство и спуск на воду военных судов общим водоизмещением в девятьсот миллионов тонн, а также строительство ста тысяч самолётов...». Закон о перемещении духов настолько идиотский, что даже известного иностранного профессора не пустили на конференцию, как не соответствующего этому закону. «Да, было над чем подумать», – констатирует свои наблюдения нарратор.

Третья функция нарратора – участие в разного рода проходивших в светском обществе мероприятиях, куда его приводит и втягивает Сяо Чжун-но.

«Интересно, случайность это или в мире духов повсюду богатство и великолепие? – спрашивает себя в начале путешествия Хань. – Поживём – увидим».

По мере развития сюжета выясняется, что богатство и великолепие присущи только олигархам-простолюдинам. Остальные составляют их порочное окружение.

Заявив себя как простого наблюдателя, Хань систематически даёт неличеприятные оценки увиденному. Читая газету, замечает, что о визите богача Фэй Фэй в бассейн написано подробно крупным шрифтом, а об аварии на заводе – петитом. Гибель 7–8 рабочих поминается мельком, но говорится, что «цех сможет продолжить работу». Зрелище, когда шестеро рабов ублажают собак олигарха, «произвело на меня тягостное впечатление».

Чуждый на земле политике, выборам («Подобные вещи никогда не вызывали во мне интереса. Я достаточно далёк от них», – признаётся он), вынужден делать выводы о так называемой выборной кампании; понимает, что выборы – сплошной обман внешней демократии, за которой стоят деньги.

Он может «вспылить» по поводу унижения женщин и тем более для него неприем-

лемо вовлечение в проституцию детей. Он отказывается войти в члены Комитета лжеисторических наук. Испытывает отвращение, когда даже в застолье едят и пьют по команде: «Глоток! – раздался голос офицера. – Два глотка! Три глотка! Бокалы – ставь! Садись!.. Аплодисменты! Все, как один, громко захлопали в ладоши... Съесть ломтик хребта! Пить! Глоток! Ещё глоток! Ещё глоток! Стоп!»

Хань более чем ироничен по отношению к декаденству. Приводимые им цитаты поэта Сыма Си-ду – карикатура и полная бессмыслица. Впрочем, и сам здоровяк-поэт, любой ценой доказывающий свою и своей невесты болезненность, не вызывает у нарратора симпатии.

Позиция нарратора позволяет автору дать в этом случае прямые оценки декаденства, как, впрочем, и псевдореалистической (по сути, бульварной), «героической» литературы. Хань пространно цитирует некую книгу, где герой – набор преувеличенно положительных оценок.

В целом ряде случаев нарратор упрямо защищает гуманистические ценности и, забывая о своей роли исключительно наблюдателя, напрямую вмешивается в культурную жизнь страны духов. Не жалея эпитетов, он говорит о статье, пугающей обывателя ужасами некой страны (в подтексте цель статьи – показать, как прекрасна страна духов): «Совершенная галиматья! Несусветная чушь!» Это едва не закончилось для него трагически, но он не отказался от своих взглядов: «Буду бороться с невежеством». Продолжением этой истории с мракобесием служит дискуссия о происхождении человечества, где признаётся верной и точка зрения Дарвина, и положение Библии, и уж совсем нелепая теория о двух мужчинах, от которых появились люди.

Порой Ханю приходится быть конформистом: он принимает пожалованные ему ни с того ни с сего деньги; сначала возмущившись браками по расчёту, соглашается, что такое есть и на земле («моё возмущение растаяло, как лёд»). Но при этом испытывает угрызения совести, о чём его друг, менее совестливый, Чжун-но, «принуждённо рассмеявшись», замечает: «Прости, я забыл о твоём благородном сердце».

Типичный интеллигент-гуманист XX столетия, Хань Ши-цянъ пытается оправдать увиденное (в финале он даже говорит, что «всё в мире духов радовало взгляд»), «инфантильностью [духов] и своим непонимание исходных принципов [их] поведения».

Этот финал романа разделяет автора, нарратора и читателя. Читатель, в отличие от нарратора, видит отнюдь не совершенную, а гиперболизированную картину несостоятельности авторитарного общества.

Если нарратор Чжан Тянь-и – наблюдатель в основном верхнего слоя олигархического общества, то нарратор Лао Шэ, в силу своего положения пленника Большого Скорпиона, имеет возможность увидеть и оценить степень надвигающегося нравственного падения всех слоёв общества потребления.

Как и нарратор Чжан Тянь-и, нарратор Лао Шэ – живой человек: он смеётся, сердится, ему становится скучно, хочется взглянуть на церемонию кошачьих похорон. Он самокритично признаётся, что порой становится приспособленцем. Наконец, испытывает одиночество: «Они живут хоть и в грязи, но со своими родными, а у меня на Марсе нет никого» (226). Ему совершенно непримлемо безнравственное, поросшее тиной успокоенности царство кошек. Убедившись, что «здесь трудно сохранить человеческое достоинство...» (208), нарратор говорит: «Я должен снова вернуться к человеческой жизни: есть, пить и мыться как люди, а не превращаться в полумёртвого ленивца. Я скорее согласен прожить две недели, но разумно и полноценно, чем двадцать тысяч лет прозябать в дурмане» (208).

Как и в «Записках из мира духов», в «Записках о Кошачьем городе» нарратору даны спутники: Маленький Скорпион, девушка Дурман и государственный преступник Большой Ястреб. Они не ограничиваются введением нарратора в курс жизни Кошачьего города, но дают объяснения причин морального падения своих соплеменников, знакомят нарратора с различными персонажами. Некоторые совпадают с теми, кого видел нарратор-путешественник Чжан Тянь-и. Например, с учёными. Лао Шэ доводит описание посещения школ до полного абсурда, за 30 лет до культурной революции в Китае предсказав бесчинства учащихся.

Общаясь с Большим Скорпионом, Нарратор убеждается, что «все вещи в Кошачьем государстве должны были приносить прямую пользу» (222), что «люди-кошки утратили и честь, и совесть», что их ничего не интересует, кроме выгоды и наслаждений (поедание листьев). «Высокопоставленные люди могут захватывать учреждения» (242). «Всюду царит приспособленчество» (221). «Отношения мужчин и женщин сводятся только к блюду» (245). «Люди-кошки безжалостно порывают даже с отечественной историей» (263): распродают национальные сокровища и разворовывается имущество музеев... «Библиотеки давно разорены и превращаются в гостиницы».

Посещение дома вдовы посланника (не употреблявшей листья) и её «забота» о женщинах и девушках – свидетельство лицемерия. Как и движение за чистоту: «после того как дождь вымыл весь город, наведение чистоты не потребует ни малейших усилий! Даже в вонючей канаве вода стала прозрачной» (241).

Во всех перечисленных случаях даётся объяснение истоков рассказанных явлений. Это делает Маленький Скорпион. Нарратор на первых порах обвиняет его в недалёковидности или даже трусливости, показывает высокомерным по отношению к другим кошкам. Излишне пессимистичным. Проповедующим приспособленчество.

Но по мере развития сюжета выясняется, что юноша и его девушка Дурман живут прекрасными, хотя утопическими, идеями, противостоящими миру кошек. Юноша отчётливо понимает, что в его стране «революции устраиваем только ради шумихи, ...что революционное дело требует от человека высоких духовных качеств, которые безвозвратно утеряны обитателями страны». «Вызубрив кучу сведений, мы не умели самостоятельно мыслить», – рассуждает Маленький Скорпион. Кошачье воспитание «превращает человека в зверя» (253), лишает его способности к самостоятельному мышлению. Они с самого рождения не умеют думать. «Мои сверстники с самого рождения какие-то полумёртвые. Они всем недовольны, однако стоит им почуять малейшую выгоду для себя, как их сердца черствеют» (232). «Внешне я наследник отца, ...а фактически всего лишь паразит. На дурные дела я не

размениваюсь, но и на хорошие не способен» (231). Пессимизм Маленького Скорпиона идёт от осознания, что путь невозврата завершён: он считает, что «шахматная партия проиграна, беспечно смешивает фигуры и смеётся над собственным поражением» (243).

Однако в решительные минуты гибели Кошачьего города именно Маленький Скорпион и Дурман идут сражаться за город и гибнут. А добровольно жертвующий собой Большой Ястреб говорит: «Наша гибель – не жертва и не путь к славе, а насущная необходимость. Мы не желаем быть рабами! Человеческая совесть долговечнее жизни. Вот и всё...» (277).

«Человек не может жить вне своей нации и государства, если он теряет их, он гибнет» (291), – резюмирует нарратор гибель своих спутников.

Интересно, что в этом четырёхугольнике нарратор остаётся гуманистом, верящим в добро. Он неоднократно призывает Маленького Скорпиона более оптимистично глядеть на мир. Более того, проведя бессонную ночь, надеется «хоть немного помочь местным жителям. Если у них появится хороший руководитель, они наверняка станут мирными и достойными гражданами... В моём воображении рисовались радужные картины: Кошачий город перестроен, превращён в огромный цветник. Кругом чистота, порядок, стоят красивые скульптуры, щебечут птицы, играет музыка» (229). «Оглянись вокруг, – вызывает он к Молодому Скорпиону, – мир не покажется тебе таким уж безнадёжным» (232). «Я не верил, – признаётся он, – что люди-кошки не способны ничего добиться. Они всё-таки люди, а люди могут преодолеть всё» (269). Он «ещё не поставил крест» на молодых учёных... Даже если они не уступают в глупости старым, они хоть живые и весёлые. Маленькому Скорпиону стоило бы позаимствовать у них оптимизм, и тогда, быть может, он совершил бы немало полезного» (269). Нарратору явно неприятие кошачья логика страдания: «Чем выше заслуги человека, тем больше он должен страдать» (215). Возможно, китайский автор полемизирует здесь с Ф.М. Достоевским.

Чтобы усилить антиномичность человеческой и кошачьей жизни, нарратор даже

готов признать, что «приехал из спокойного, счастливого Китая» (269).

И лишь к финалу рассказчик убеждается, что нравственный разврат зашёл слишком далеко, что Кошачий город обречён.

Роман Лао Шэ – грозное предостережение о перспективах человечества, если оно не вернётся к нравственным ценностям, не станет активно бороться за свою судьбу. В условиях бездуховного XXI столетия «Рассказ о Кошачьем городе» не только не утратил своей актуальности, но и стал ещё более значимым для будущего человечества.

Остаётся выяснить чисто теоретический вопрос о принадлежности двух разобранных романов к жанру антиутопий. С одной стороны, здесь нет опровержения основных постулатов классической утопии, претендующей на глобальное осмысление строения государства. С другой стороны, проблематика обоих романов во многом совпадает с теоретическими проблемами, поднимаемыми в классической утопии: социальное устройство

государства, должностные лица, выборы, образ правления, образование. Вместе с тем все названные проблемы носят не абстрактный характер, а коррелируются с XX столетием, наполняются конкретным содержанием, далёким от утопической мечты. Положительный идеал присутствует в подтексте, в размышлениях нарраторов.

Само наличие нарраторов явно заимствовано из утопий и романов-приключений (Свифт, Дефо, китайские предшественники).

В обоих романах присутствует гиперболизация, сатира, юмор.

Всё это позволяет сказать о появлении новаций в утопической прозе и появлении в XX веке жанра антиутопической прозы, включающей в себя элементы других жанров современной литературы. В любом случае оба романа выходят далеко за пределы жизни Китая 1920–1930-х гг. Если это антиутопии, то антиутопии индустриальной и постиндустриальной эпох авторитарного общества.

Список источников

1. Федоренко Н. Живые и призраки // Тянь-и Чжан. Записки из мира духов. М.: Известия, 1970.
2. Родионов А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе. СПб.: Роза мира, 2006. 263 с.
3. Федоренко П.Т. Лао Шэ и его творчество // Лао Ше. Избранное. М.: Радуга, 1982. С. 3-11.

References

1. Fedorenko N. *Zhivyye i prizraki* [Living and ghosts]. In: Tianyi Zhang. *Zapiski iz mira dukhov* [Ghostland Diary]. Moscow, Izvestiya Publ., 1970. (In Russian).
2. Rodionov A.A. *Lao She i problema natsional'nogo kharaktera v kitayskoy literature* [Lao She and Problem of National Character in Chinese Literature]. St. Petesburg, Roza mira Publ., 2006, 263 p. (In Russian).
3. Fedorenko P.T. Lao She i ego tvorchestvo [Lao She and his work]. In: Lao She. *Izbrannoye* [Favorites]. Moscow, Raduga Publ., 1982, pp. 3-11. (In Russian).

Информация об авторе

Агеносов Владимир Вениаминович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3033-2850, vlad-agenosov@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, работа с литературными источниками, анализ художественных текстов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 19.05.2022
Одобрена после рецензирования 06.07.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the author

Vladimir V. Agenosov, Doctor of Philology, Professor, Professor of History of Journalism and Literature Department, A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3033-2850, vlad-agenosov@yandex.ru

Contribution: main study conception, work with literary sources, literary text analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 19.05.2022
Approved after reviewing 06.07.2022
Accepted for publication 09.09.2022